

Осколки чужих снов

Илья Снигирев

Илья Снигирёв

Осколки чужих снов

<https://litres.ru/74107264>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы прячем тяжёлые воспоминания, потому что боимся, что они сломают нас. Но в мире, где реальность держится на швах из памяти, именно эта боль становится опорой.

После потопа Александр и его спутники попадают в город, который питается забытым. Фантомы вытягивают из людей эмоции, искажают прошлое и заставляют сомневаться в себе. Чтобы выжить, героям придётся принять: их боль — не слабость, а ключ к спасению.

Глубокая, напряжённая история на стыке фантастики и психологического хоррора — о том, как оставаться собой, когда мир пытается стереть твою память.

Илья Снигирёв

Осколки чужих снов

Глава 1. Вода приходит не спеша

Александр не помнил, как оказался на этом перекрёстке. Он помнил только, что бежал. Не от чего-то конкретного — от ощущения, что время здесь течёт неправильно. Будто он опаздывал на событие, которое уже случилось.

Район был знакомый до боли: те же многоэтажки, те же вывески, только свет в окнах горел так, будто электричество питалось не от городской сети, а от чего-то другого. Слишком ровный, слишком холодный. И туман. Он не стелился по асфальту, он просачивался — сквозь щели, сквозь стены, сквозь самую тишину.

Рядом с ним были двое: Марина, которая всё время прислушивалась к звукам, словно пыталась разобрать чей-то шёпот в шуме ветра, и Игорь — бывший спасатель, который теперь держался ближе к стенам и проверял каждый угол, будто стены могли предать.

Они шли, почти не разговаривая. Слова здесь казались лишними. Они только привлекали внимание.

А внимание было.

На углу, у остановки, стояли пятеро молодых людей.

Обычных. Почти. Они не двигались резко, не делали угрожающих жестов. Просто стояли и смотрели. И улыбались.

Улыбки были самыми страшными.

Не злые, не торжествующие — просто не к месту. Как будто они знали что-то, чего не мог вынести человеческий разум.

— Не смотри на них, — прошептал Игорь, хватая Александра за рукав. — Не фиксируй взгляд.

Но Александр уже посмотрел. И в этой улыбке он увидел не радость, а пустоту. Как будто за лицом не было человека — только эхо.

Один из них шагнул вперёд. Медленно. Слишком медленно, чтобы это выглядело естественно.

— Ты здесь, — сказал он. — Ты теперь здесь.

Голос звучал так, будто слова проходили через воду.

Игорь выхватил пистолет. Александр хотел крикнуть «не надо», но крик застрял где-то в горле. Выстрел прозвучал неестественно громко, и звук тут же растворился в тумане, как капля чернил в молоке.

Пуля ударила в грудь улыбающегося. Он даже не покачнулся. Улыбка не дрогнула.

— Их не убить, — тихо сказала Марина, будто констатировала факт, который она знала всегда.

И тут Александр понял: самое страшное не в том, что они не умирали. Самое страшное — в том, что им это нравилось. Их улыбки были не реакцией на боль, а признанием победы.

Они начали приближаться. Не спеша. Как будто у них было всё время мира. А у Александра его не было.

Он рванулся вперёд, потянув за собой Марину. Игорь прикрывал тыл, стреляя в воздух, чтобы хоть как-то разорвать эту неправильную тишину. Но выстрелы не пугали. Они только заставляли улыбки становиться шире.

Бег по знакомым улицам вдруг стал бегством по лабиринту. Дома будто сдвигались, переулки становились длиннее, а свет фонарей мерцал так, что казалось, будто реальность мигает, как перегоревшая лампочка.

И тогда пришла вода.

Сначала это были просто лужи. Не после дождя — они собирались. Из ниоткуда. В низинах, в подъездах, в трещинах асфальта. Вода не текла — она наполняла.

Потом она поднялась выше. До щиколоток. До колен. И с каждым шагом становилось ясно: это не ливень, не прорыв трубы. Это был процесс.

Александр остановился на углу, хватая ртом воздух. Перед ним возвышалась многоэтажка, которую он видел тысячу раз. Теперь она выглядела как тонущий корабль: первые этажи уже скрылись под водой, окна на уровне земли потемнели, будто их затянуло плёнкой. Вода поднималась спокойно, без ярости шторма — с холодной, неумолимой настойчивостью.

Он посмотрел вверх. Небоскрёб уходил в туман, и казалось, что вода не остановится, пока не скроет его целиком.

Где-то вдали раздался треск. Это рушился пирс. Или мост. Или что-то большое. Звук был глухим, как удар по воде. Потом ещё один. И ещё.

Корабли, которые стояли у причала, теперь дрейфовали, сталкиваясь друг с другом, как игрушки в ванне. Машины, припаркованные у набережной, медленно исчезали под водой, оставляя после себя только пузыри и круги на поверхности.

Самолёт на взлётной полосе, который, казалось, должен был быть в безопасности, теперь стоял наполовину в воде. Его крылья отражали тусклый свет, как будто прощались с небом.

Вода не шумела. Она работала.

Марина схватила Александра за руку. Её пальцы дрожали. — Там, — крикнула она, указывая вперёд.

Сквозь туман проступал странный объект. Куб. Огромный, прозрачный, как гигантский аквариум. Его грани ловили свет и искажали его, создавая ощущение, что он не принадлежит этому миру.

Это был не дом, не склад, не станция. Это было убежище. Или ловушка.

Они побежали к нему. Вода уже доходила до бёдер, замедляя каждый шаг. Александр чувствовал, как она тянет его вниз, как будто сама земля пыталась удержать его здесь, в этом искажённом измерении.

Когда они добрались до куба, двери уже открывались. Не

от нажатия кнопки, не от чьих-то рук — сами по себе. Как будто куб знал, что они придут.

Внутри было сухо. Холодно. И тихо.

Люди вбегали внутрь, хватая воздух, как будто только сейчас осознали, что всё это время задыхались. Двери начали закрываться. Медленно, но неотвратно.

И в тот момент, когда последняя створка встала на место, вода поднялась до уровня крыши ближайших домов. Многоэтажки превратились в острова, которые медленно исчезали в серой воде. Небоскрёбы стояли, как надгробия.

Куб герметично закрылся. Давление внутри чуть изменилось, и на мгновение все замерли, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась громче любого крика.

И вдруг куб дёрнулся. Потом ещё раз. И начал двигаться.

Сначала медленно, как будто пробуя воду. Потом увереннее. Он плыл. Не по течению — сам по себе.

Кто-то закричал. Кто-то заплакал. Кто-то просто смотрел на стены, пытаясь осознать, что происходит.

Александр прижался лбом к прохладному стеклу. За ним вода поднималась всё выше, скрывая улицы, дворы, вывески. Она не останавливалась. Она стирала город слой за слоем.

В какой-то момент он увидел их. Тех самых. Молодых людей с улыбками. Они стояли на крыше затопленного дома, вода доходила им до пояса, но они не пытались спастись. Они просто смотрели на куб. И улыбались.

«Они не тонут», — подумал Александр. И от этой мысли

ему стало холоднее, чем от воды.

Марина подошла к нему, встала рядом.

— Что это за место? — прошептала она.

Александр не ответил. Он не знал. Но он чувствовал: куб не спасал их. Он переносил. Как ковчег. Только не от потопа — через него.

Внутри куба время будто замедлилось.

Люди начали говорить шёпотом, как в больнице или в морге. Каждый звук казался слишком громким, каждое движение — слишком резким.

Игорь подошёл к стене, приложил к ней ладонь.

— Мы не знаем, куда мы плывём, — сказал он, глядя на Александра. — Но мы должны быть готовы.

Александр кивнул. Он был замкнутым, но надёжным. И сейчас это было важно. Он не будет паниковать. Он будет смотреть. Запоминать. И искать выход.

За стеклом вода продолжала подниматься. Небо, которое ещё недавно казалось таким далёким, теперь выглядело достигаемым — как будто куб действительно мог достать до него.

И Александр вдруг подумал: а что, если это и есть цель? Не спастись, а добраться?

Но эта мысль была слишком большой, чтобы принять её сейчас.

Он отошёл от стены, помог женщине, которая упала на скользком полу. Проверил, все ли внутри. Убедившись, что

пока все живы, он снова вернулся к стеклу.

Туман всё ещё висел над водой. И в нём, казалось, пряталось что-то ещё. Что-то, что ждало, когда вода покроет всё.

Александр смотрел на этот мир, который тонул, и понимал: он больше не был зрителем. Он был частью этого кошмара. И ему предстояло выяснить, как из него выбраться.

Глава 2. Внутри куба, снаружи мир, внутри памяти

Куб плыл. Не как корабль, не как льдина — он будто сам выбирал, куда двигаться, едва заметно поворачиваясь, будто прислушиваясь к чему-то за пределами слышимого. Внутри было сухо, но сухость эта казалась неестественной: воздух не пах ни озоном, ни пластиком, ни металлом. Он вообще не пах. Как будто куб не просто изолировал от воды — он вырезал себя из привычного мира.

Александр стоял у прозрачной стены и смотрел, как исчезает город. Многоэтажки теперь напоминали подводные скалы: их окна, ещё недавно светившиеся, стали чёрными прямоугольниками, будто кто-то аккуратно закрасил их тушью. Вода поднималась спокойно, без ярости шторма, но с неумолимостью приговора.

Рядом с ним стояла Марина. Она не смотрела на город — она смотрела на Александра.

— Ты всё время что-то высматриваешь, — тихо сказала она. — Будто знаешь, что должно быть не так.

Александр пожал плечами, но не потому, что ему нечего

было сказать, а потому, что слова здесь казались лишними. Он и правда всё время ловил несоответствия: тень, которая падала не туда; звук, который доносился раньше, чем происходило движение; свет, который не отражался, а будто впитывался. В обычной жизни он бы просто не заметил этого. Но сейчас эти мелочи складывались в тревожный узор.

В кубе было человек тридцать. Кто-то сидел, прижавшись к стене, кто-то ходил из угла в угол, будто надеялся найти дверь, которую не заметили раньше. Кто-то плакал, тихо, без всхлипов, как плачут, когда уже не осталось сил на громкие слёзы.

Игорь подошёл к Александру, прислонился плечом к стеклу.

— Мы не знаем, куда плывём, — сказал он, глядя не на воду, а на собственное отражение в стене. — Но если это ковчег, то кто его строит? И для кого?

Александр кивнул. Игорь говорил практично, по-спасательски, и это помогало держать голову холодной.

— Нужно распределить людей, — продолжил Игорь. — Кто-то должен следить за состоянием куба, кто-то — за запасами, если они вообще есть. И кто-то должен наблюдать за тем, что снаружи.

— Я буду наблюдать, — сказал Александр.

Марина посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Почему именно ты?

Александр не сразу ответил. Он снова посмотрел на воду,

на то, как она медленно поглощает город, и подумал о том, что в этом потоке есть что-то знакомое. Не из этой жизни, а из другой — из той, где он ещё не научился не замечать странности.

Когда-то, в детстве, Александр жил в маленьком городе у реки. Река была широкой, медленной и спокойной — до тех пор, пока не начинался паводок. Каждый год вода поднималась, заливала огороды, подходила к крыльцам домов. Взрослые сутились, укрепляли насыпи, переносили вещи на чердаки. А Александр просто стоял на берегу и смотрел.

Он не боялся воды. Он боялся того, как она меняла привычные места. Дом, который всегда был домом, вдруг становился островом. Дорога, по которой он ходил в школу, исчезала, оставляя после себя только рябь на поверхности. И в эти дни мир казался ему не своим.

Однажды он увидел, как вода подняла и унесла скамейку, на которой всегда сидел старик из соседнего дома. Скамейка плыла, покачиваясь, как будто это было нормально. Старик стоял на берегу и смотрел ей вслед, и в его взгляде было не удивление, а смирение — будто он знал, что рано или поздно вода заберёт всё.

С тех пор Александр стал замечать мелочи: как тень от дерева падает не туда, куда должна; как звук эха приходит раньше, чем звук самого удара; как люди улыбаются, когда им не весело. Он не говорил об этом никому. Он просто запоминал.

И вот теперь он снова стоял перед водой, которая стирала мир, и понимал, что эта способность — не видеть мир таким, каким его хотят показать, а замечать, как он ломается, — может быть его единственным оружием.

За стеклом небоскрёб, который ещё недавно казался вечным, теперь выглядел как памятник самому себе. Его верхние этажи ещё цеплялись за небо, но нижние уже скрылись под водой. Вода не шумела, не ревела — она работала, методично и спокойно.

Корабли, которые раньше казались огромными, теперь выглядели как игрушки, брошенные в ванне. Они сталкивались друг с другом, переворачивались, исчезали под волнами, которые были не высокими, а тяжёлыми, будто состояли не из воды, а из самой тяжести мира.

Самолёт на взлётной полосе, который Александр видел в прошлой главе, теперь лежал на боку, наполовину скрытый водой. Его крылья, ещё недавно обещавшие полёт, теперь казались бесполезными.

А на крышах домов, на последних островках суши, стояли они. Те самые молодые люди с улыбками. Вода доходила им до пояса, до груди, но они не пытались спастись. Они просто стояли и смотрели на куб. И улыбались.

«Они не тонут», — снова подумал Александр. И от этой мысли ему стало холодно не от воды, а от понимания: эти фигуры не были частью этого мира. Они были его надзирателями. Или его архитекторами.

Не все были готовы слушать Игоря. Один мужчина, высокий, с жёстким взглядом, подошёл к ним.

— Вы собираетесь нас организовать, как солдат? — спросил он, глядя на Игоря с вызовом. — А кто вас назначил главным?

Игорь не стал спорить.

— Никто. Но если мы будем сидеть и ждать, пока куб сам нас куда-то привезёт, мы можем не дожить до конца пути.

— А если он нас везёт туда, где будет ещё хуже?

Этот вопрос повис в воздухе. Никто не хотел его задавать, но все думали об этом.

Марина подошла к Александру.

— Ты слышишь это? — прошептала она.

— Что?

— Тишину. Она давит. Как будто куб вытягивает из нас звуки.

Александр прислушался. И правда: в кубе не было привычного шума — ни гула вентиляции, ни скрипа пола, ни даже звука шагов. Люди говорили шёпотом, будто боялись, что стены услышат.

И тут куб слегка дёрнулся. Потом ещё раз. И начал поворачиваться, медленно, как будто выбирая новое направление.

Люди внутри куба замерли. Кто-то вскрикнул. Кто-то прижался к стене. Александр остался у стекла. Он смотрел, как меняется перспектива: теперь вместо небоскрёба он видел

только воду и туман.

Туман был густым, непроницаемым. Он не рассеивался от движения куба, а будто тянулся за ним, как шлейф. И в этом тумане что-то двигалось. Не фигуры, не люди — что-то большее. Что-то, что не хотело показываться целиком.

Когда куб снова выровнялся, Александр увидел на стекле тонкую линию. Не царапину, не конденсат — а будто трещину в самой реальности. Она была едва заметной, но она была. И она двигалась, как живая.

Он провёл по ней пальцем. Стекло было холодным, но линия под пальцем дрогнула, как будто от прикосновения.

Марина заметила это.

— Что это?

Александр не знал. Но он чувствовал: эта линия — не дефект. Это шов. Шов между мирами. И если его потянуть...

Но он не стал тянуть. Не сейчас. Сейчас нужно было удерживать людей от паники. Нужно было дать им хоть какую-то опору.

Он повернулся к группе.

— Нам нужно держаться вместе, — сказал он тихо, но так, чтобы его слышали все. — Мы не знаем, куда мы плывём. Но мы знаем, что мы живы. И пока мы живы, у нас есть шанс найти выход.

Кто-то кивнул. Кто-то отвернулся, не веря. Но никто не закричал. И это уже было победой.

Игорь посмотрел на Александра с уважением.

— Ты умеешь говорить так, что люди слушают, — сказал он.

Александр только пожал плечами. Он не был лидером. Он был наблюдателем. Но иногда наблюдатель — это тот, кто первым замечает, где мир начинает ломаться.

Куб снова дёрнулся и поплыл дальше. За стеклом туман сгущался, скрывая последние островки суши. Где-то в глубине воды исчезали машины, корабли, дома. Мир стирался слой за слоем.

Александр снова подошёл к стеклу. Он смотрел на воду, на туман, на едва заметную линию на стекле. И думал о том, что, возможно, выход не в том, чтобы убежать от этого мира, а в том, чтобы понять, как он устроен.

И ещё он думал о тех, кто улыбался в воде. О том, что их улыбки были не радостью, а знанием. Знанием о том, что этот цикл повторяется снова и снова. И что, возможно, Александр уже был здесь. Не в этом теле, не в этой жизни — но где-то в памяти этого мира.

Он закрыл глаза на мгновение. И когда открыл их, увидел в отражении стекла не своё лицо, а чей-то чужой взгляд. Мимолётный. Как вспышка.

Он моргнул — и взгляд исчез.

Но Александр запомнил его.

Потому что он был надёжным. И он ничего не забывал.

Глава 3. Шов, трещина и голос из прошлого

Куб снова дёрнулся — не как судно на волне, а будто споткнулся о невидимый порог. Внутри люди по инерции качнулись вперёд, кто-то вскрикнул, кто-то вцепился в стену. Александр устоял: он уже научился чувствовать эти рывки заранее, по едва уловимому изменению давления в ушах.

Марина стояла рядом, бледная, но собранная.

— Он будто... натывается на что-то, — прошептала она.

Александр кивнул. Он тоже это чувствовал. Не просто движение по воде, а будто куб пробирался сквозь невидимые преграды.

И линия на стекле стала заметнее. Тонкая, как волос, но теперь она не просто вилась по поверхности — она пульсировала. Едва уловимо, раз в несколько секунд, будто по ней пробегал слабый ток.

Он снова провёл по ней пальцем. На этот раз стекло под пальцем чуть подалось, как будто было не твёрдым, а застывшей жидкостью.

— Не трогай! — резко сказал Игорь, хватая его за руку.

Александр отдёргнул руку, но не из страха, а из осторожности.

— Она двигается, — сказал он спокойно. — Это не царапина. Это... шов.

Игорь посмотрел на него так, будто впервые увидел в нём не просто молчаливого парня, а человека, который замечает то, что другим недоступно.

Тот самый мужчина с жёстким взглядом — его звали Вик-

тор — подошёл к ним, ведя за собой ещё нескольких человек.

— Хватит этих загадок, — сказал он, глядя на Игоря и Александра. — Мы не знаем, куда мы плывём, не знаем, сколько у нас еды и воды, и уж точно не знаем, почему этот куб дёргается, как припадошный. А вы стоите и разглядываете какие-то полоски на стекле.

— Эта полоска может быть важна, — тихо, но твёрдо сказал Александр.

Виктор усмехнулся, но в этом смехе не было веселья.

— Важно то, что мы заперты в стеклянной коробке посреди потопа. Важно, что кто-то должен взять ответственность, а не стоять и смотреть.

— Ответственность не берут силой, — сказал Игорь, вставая между ними. — Её берут, когда могут удержать людей от паники.

— А ты можешь? А он может? — Виктор кивнул на Александра. — Он вообще говорит раз в час.

В кубе стало тихо. Даже вода за стенами будто перестала шуметь. Все смотрели на эту маленькую сцену, как на предвестник чего-то большего.

Александр не стал спорить. Он просто посмотрел Виктору в глаза — спокойно, без вызова.

— Я не хочу быть главным, — сказал он. — Но я вижу то, чего не видят другие. И если это поможет нам выбраться, я буду это говорить.

Виктор хотел что-то ответить, но замер. В этот момент куб снова дёрнулся, и по стеклу пробежала волна света — от линии к линии, словно куб на мгновение «включился».

Кто-то закричал. Кто-то упал на колени. Виктор побледнел и отступил на шаг.

И в этой тишине Александр услышал шёпот. Не снаружи. Не от людей. А будто изнутри самого куба. Тихий, ровный, как статический шум, в котором можно было разобрать отдельные слова, если очень постараться.

«...не здесь... не сейчас... не ты...»

Он закрыл глаза, чтобы лучше расслышать. Но как только он сосредоточился, шёпот исчез.

За стеклом не осталось почти ничего. Многоэтажки ушли под воду целиком, оставив после себя только едва заметные контуры на фоне серой воды. Небоскрёбы ещё цеплялись за небо, но их вершины уже растворялись в тумане, как карандаши, стёртые ластиком.

Вода больше не поднималась — она уже покрыла всё. Теперь она просто была. Тяжёлая, неподвижная, как застывшее стекло.

А в тумане двигались фигуры. Те самые молодые люди с улыбками. Они не плыли, не шли — они просто были там, в толще тумана, как проекции. Их улыбки были видны даже сквозь серую пелену.

Иногда казалось, что они смотрят прямо на Александра. И в этих взглядах не было угрозы — только бесконечное,

холодное знание. «Они знают, что будет дальше», — подумал Александр. И от этой мысли ему стало не по себе.

Александр снова вспомнил тот паводок. Тот год, когда вода поднялась особенно высоко. Он стоял на берегу, смотрел, как река стирает привычные очертания, и вдруг услышал голос отца.

Отец редко говорил с ним о чём-то важном. Он был человеком дела: починить забор, укрепить насыпь, проверить лодку. Но в тот день он подошёл к Александру, положил руку ему на плечо и сказал:

— Вода всегда находит дорогу. Не потому что она сильная, а потому что она замечает щели. Там, где другие видят стену, вода видит трещину.

Александр тогда не понял. А теперь понял.

Трещина. Шов. Линия на стекле.

Это была щель. И вода — или то, что заменяло её в этом мире, — проходила сквозь неё, стирая границы.

Он вспомнил ещё одну деталь: в тот год, когда река поднялась выше обычного, старик со скамейки пропал. Его дом стоял на самом краю, и когда вода пришла, он не стал укреплять стены. Он просто сел на крыльцо и стал ждать.

На следующий день его не было. Только скамейка, которую унесло водой, вернулась, прибитая к другому берегу.

И тогда Александр впервые подумал, что некоторые вещи не тонут. Они просто переходят в другое место.

Теперь он понимал: эти улыбающиеся фигуры — они не

тонули, потому что уже были по ту сторону. Они были теми, кто перешёл.

Линия на стекле стала шире. Теперь это была не просто тонкая нить, а едва заметная граница, разделяющая две части стекла, которые не совсем совпадали друг с другом. Как будто куб был собран из кусков разных миров, и шов между ними не был до конца заделан.

Марина осторожно коснулась линии.

— Оно тёплое, — прошептала она.

Александр коснулся рядом. И правда: по одну сторону стекла металл был холодным, по другую — чуть тёплым, как будто там текла другая реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.